

УКРАИНСКИЙ АСПЕКТ В ПОЭЗИИ В.И. НАРБУТА

Д.В. Мельник

Тема настоящей работы – украинский аспект в поэзии Нарбута. Творчество Нарбута уже привлекало внимание исследователей. Наиболее полной работой является предисловие к сборнику стихотворений Нарбута, написанное поэтом и филологом Леонидом Чертковым. Н. Бялосинская и Н. Панченко во вступительной статье к сборнику стихотворений Нарбута 1990 года выпуска касались в основном биографических данных, а О. Лекманов в своей работе, опубликованной в журнале «НЛЮ», проанализировал широко известную книгу Нарбута «Аллилуйя».

К сожалению, нет работ, посвященных одной из важнейших проблем творчества Нарбута, а именно – украинскому аспекту его биографии и поэзии. В настоящей работе мы хотим частично восполнить этот пробел, хотя бы поставить проблему как таковую и обозначить основные ее аспекты.

Актуальность данной проблемы несомненна. Как известно, В.И. Нарбут вырос в Глуховском уезде Черниговской губернии и воспитывался на украинских фольклоре и литературе, что впоследствии нашло отражение в его творчестве.

Известны основные издания произведений В. Нарбута. Прежде всего это «Стихи» (1910), «Аллилуйя» (1912), «Плоть» (1920) и др. Из посмертных изданий следует особо выделить «Избранные стихотворения Нарбута» (Париж, 1983). В случаях цитации мы пользуемся в основном изданием «Стихотворения» (М., 1990) как наиболее полным и авторитетным на настоящий момент.

Владимир Иванович Нарбут родился 2/14/ апреля 1888 г. на хуторе Нарбутовка Глуховского уезда Черниговской губернии. Он был представителем старинного украинского дворянского рода, имевшего литовские корни.

С 1906 г. вместе с братом, художником-графиком Георгием (1886–1920) он жил в Петербурге, где учился в университете. Братья жили у известного художника И.Я. Билибина, который оказал на них большое влияние своей увлеченностью русской фольклорной демонологией.

Начал Нарбут свое творчество с нравоописательных очерков. В 1908 г. опубликовал первое стихотворение, а в 1910-м издал первый сборник стихов. Первая его книга («Стихи. Год творчества первый») состояла из стихотворных пейзажных зарисовок, выдержанных в прозрачной традиционной манере. В этих первых стихотворениях, не прошедших незамеченными, – о них положительно отзывались Валерий Брюсов и Николай Гумилев, – ощутимо влияние И. Бунина, Б. Садовского и поэзии 1910-х гг. в целом. Своеобразную их графичность и описательность, несколько утяжеляющую стих, мы найдем и в более поздних произведениях Нарбута.

Н. Гумилев написал в одном из писем к А. Ахматовой: «...Я совершенно убежден, что из всей послесимволической поэзии ты да, пожалуй (по-своему), Нарбут окажетесь самыми значительными»¹. В 1911 году Нарбут сблизился с

кругом будущего «Цеха Поэтов», разделяя их эстетическую программу. С 1912 года он входил в шестерку акмеистов (вместе с Н. Гумилевым, С. Городецким, А. Ахматовой, О. Мандельштамом и М. Зенкевичем). Нарбут стал едва ли не самым последовательным адептом акмеизма, который объединил таких непохожих друг на друга поэтов. Именно акмеизм Нарбут считал «школой, выступившей в защиту всего конкретного, действительного и жизненного»². Он создал крайне своеобразную поэтику, которую позже назвали «неопереводимостью» (Л. Чертков), «физиологизмом», «галлюцинирующим реализмом» (Н. Гумилев). Сам Нарбут определял свою манеру как «натуралисто-реализм». Все это – попытки описать стиль невероятно сложных, даже тяжеловесных стихотворений, форма которых контрастирует с подчеркнуто бытовым, «черноземным», грубым содержанием.

В 1917 г. поэт примкнул к левым эсерам. Его стихи начала 1920-х гг. проникнуты «чувствами и идеями Великого Октября». В это время он занимает ряд крупных постов, вплоть до заместителя заведующего отделом печати при ЦК РКП (б). В 1928 г. был исключен из партии (как подозревают, по проискам известного критика А.К. Воронского, видевшего в Нарбуте своего конкурента в партийно-эстетической элите).

В начале 1930-х гг. Нарбут исповедует лозунг так называемой «научной поэзии», что отчасти сближало его с таким поэтом, как ранний Н. Заболоцкий.

В 1936 г. поэт был арестован по доносу и этапирован на Дальний Восток, а в 1938 г. расстрелян, хотя подробности его смерти неизвестны, и существуют различные версии (утоплен на барже).

Творческое наследие Нарбута до сих пор не только не изучено, но даже не собрано и в полном объеме не выявлено.

«Барчук, хохол, гетманский потомок, ослабевший отросток могучих и жестоких людей, – вспоминает о Нарбуте Надежда Мандельштам во "Второй книге", – он оставил кучу стихов, написанных по-русски, но пропитанных украинским духом»³.

Почти все авторы воспоминаний о В. Нарбуте упоминают интересный факт: «Петербургец-акмеист никак не мог – или не хотел – избавиться от украинского акцента...»⁴

Братья Нарбуты, Владимир и Георгий, выросли в украинской провинции и были увлечены родной культурой, литературой, фольклором. В последней четверти XIX в., когда родился В. Нарбут, мир гоголевской Украины не был забыт и не совершенно еще ушел в небытие. Реалии быта, праздники, ярмарки были жизнью, а не литературой.

К этому следует добавить, что родной для Нарбута городок Глухов был одним из древних центров украинской культуры. Некогда в Глухове избирали гетманов, здесь была ставка Петра I в битве при Полтаве. Обширная глуховская библиотека сохраняла традиции центра пограничной русско-украинской культуры – и, вместе с тем, получала все петербургские литературные новинки⁵.

Интерес братьев Нарбутов к Украине не ослабевает и в последующие годы. Георгий Нарбут, художник объединения «Мир искусства», первоклассный график, вернется в Украину из Петербурга, чтобы работать в сфере печати. Именно он выполнит эскизы первых украинских банкнот и выпустит знаменитый иллюстрированный букварь на украинском языке, а шрифт этого букваря, стилизованный под рукописи эпохи Киевской Руси, до сих пор используется на Украине повсеместно, в том числе – на документах и денежных знаках.

Владимир Нарбут также работал в Украине в первые годы после гражданской войны – организовывал работу печати в Одессе, Харькове, Киеве. Известно, что как раз в этот период (начало 1920-х гг.) он планировал переиздать на украинском языке свою наиболее известную книгу «Аллилуйя». В 1930-х гг. Нарбут подрабатывал переводами с украинского и переработал «Энеиду» И. Котляревского в кинематографический сценарий.

Говоря о связях творчества В. Нарбута с Украиной, исследователи называли обычно имена тех украинских писателей и поэтов, чьи цитаты Нарбут использовал в качестве эпиграфов к своим стихотворениям (Г. Сковорода, И. Котляревский, Н. Гоголь и др.). Безусловно, этот список, названный исследователями, может быть продолжен.

Нарбут писал о родине во все периоды творчества. Его первые публикации были, как ни странно, не поэтические – в 1909-1910-х гг. в «Сборнике русского чтения» он печатал свои очерки. Сразу обозначилась его любовь к этнографическому видению мира. Эти очерки этнографического характера («Сырные дни на Украине», «В Великом посту», «Малороссийские святки») были посвящены прежде всего украинскому быту и праздникам. Украинская тема доминирует и в сборниках акмеистического периода («Вий», «Аллилуйя», «Плоть» и др.).

Для первой книги стихов Владимира Нарбута, написанной в традиционном духе, характерна прежде всего речевая нормативность, поэтому мы не найдем здесь россыпи диалектизмов и просторечий, которые в таком изобилии встречаются в его позднейших сборниках. В стихах-пейзажах 1910 г. практически нет украинских реалий, но зато есть упоминание места действия – Украины, причем для Нарбута нехарактерно употребление русской формы, он предпочитает родное «Україна», «в Україне»:

А Август золотистощёкий
Стоит в Україне...
(«Ночь»)

Прощай, Україна, до весны!
(«Отъезд»)

В первом сборнике можно отметить определенную тенденцию: украинизмы выполняют в стихотворениях две основные идейно-эстетические функции. Первая: когда поэт просто называет реалии украинского мира, включенного в общемировой контекст. Вторая функция связана с умышленной стилизацией, созданием национального колорита. Это говорит лишь о том, что Украина при-

тягивала сердце поэта, не давала себя забыть и постоянно «всплывала» в его сознании и стихах.

Украинизмы первого сборника общепонятны, их собственно и украинизмами можно считать лишь с некоторой натяжкой, поскольку практически все они широко употребляются и на юге России: *ветряк, шлях, хата, червонные...*

Нарбут в языке привержен так называемому «суржику», в котором причудливо сочетаются русские и украинские слова. Именно «суржик» наполняет первый сборник поэта. Характерно, что ряд украинских словечек, таких, как *хата, шлях*, Нарбут никогда не подменяет русскими соответствиями. Лишь в одном стихотворении сборника появляются избушки, но это стихотворение красноречиво названо «Русь». Это говорит о том, что в его сознании мирно уживаются лексические пласты двух славянских языков. Лексические ряды то перемежаются, то идут параллельно, не пересекаясь.

Есть украинизмы, которые Нарбут использует для обозначения реалий украинского быта, например, *криницы* (колодцы); сюда же относятся и названия праздников:

Сегодня праздник, по названью –
Переплавная Середа...
(«Весенний день пригож и парок...»)

Но появляются уже и *облога* (целина), и *гай*, который используется наравне с русским *сад*. Эта тенденция в дальнейшем будет только усиливаться. Сочетание русских и украинских названий, обозначающих *одни и те же явления*, свидетельствует о том, что поэт использует сознательный поэтический прием.

В целом можно сказать, что источник поэтических впечатлений Нарбута, запечатленных в сборнике «Стихи», – его родной город Глухов.

В апреле 1912 г. вышел сборник «Аллилуйя». Сборник произвел противоречивое впечатление на литераторов и общественность. В этом сборнике Нарбут описывает уездное духовенство, низшие слои общества, дворянство, представителей мифологической демонологии (что так напоминает второй том стихов А.Блока).

«То, что раньше казалось недостатками Нарбута, – обилие провинциализмов, украинизмов, диалектизмов – обернулось теперь яркой самобытностью, – которая только подчеркивалась присущей ему шероховатостью и известной топорностью письма»⁶, – писал критик Л. Чертков.

Неоднократно отмечалось замысловатое сплетение в лексике «Аллилуйи» просторечного, украинского и церковно-славянского элементов. Украинизмы «Аллилуйи» часто нарочиты. При сопоставлении с первым сборником становится понятно, что здесь они – не результат того, что поэт мыслит в рамках этой лексики. Украинизмы уже необщепонятны: они, наоборот, как будто нарочно затемняют и без того перегруженные неясностями тексты: *шурёнок* (крысенок), *расчухмаривать* (расчесывать), *подхотишься* (спохватишься), *причухравший* (прибежавший), *хопать* (хватать), *порохня* (труха) и пр.

Функция украинизмов здесь – имитировать простонародную устную украинскую речь. По замечанию критика О. Лекманова, вся книга – это «сырая, демонстративно необработанная хроника сельской и провинциальной жизни»⁷, и это содержание требует соответствующей формы.

Благодаря специфической лексике и реалиям (на хуторе, паныч-студент, бурсак) становится понятно, что место действия стихотворений – украинская глубинка.

Сильнейшее влияние на поэзию Нарбута этого периода оказал Н.В. Гоголь. Сам Нарбут писал об этом в письме к М. Зенкевичу, тем самым весьма точно характеризуя поэтику своей книги: «Бодлер и Гоголь, Гоголь и Бодлер. Не так ли? Конечно, так. Ура, Николай Васильевич!»⁸. Отметим также, что в 1915 г. вышел сборник Нарбута «Вий», а сам поэт называл себя «виевцем», подразумевая увлеченность фольклорной демонологией – тем, что привнес в русскую литературу Н.В. Гоголь.

От Гоголя у Нарбута – яркие метафоры и многие мотивы. Например, очевидно влияние «Сорочинской ярмарки» на стихотворение «Горшечник». Также среди литературных стимулов для «Горшечника» называлась и басня «Старуха и Горшечник» Г. Сковороды⁹.

Поздний неизданный сборник невероятно сложных по форме стихотворений «Казненный Серафим» содержит небольшую долю украинизмов лишь там, где действие происходит в Украине. Собственно, украинская лексика и служит указанием на местную локализацию. Так, в стихотворении «На углу» действие происходит в Полтаве, что ясно из упоминания в тексте названия города («Полно, Полтава!»), реминисценций из «Полтавы» Пушкина (упоминание Мазепы и Кочубея) и обильным использованием украинизмов:

Рухну ли насмерть, всё будет знакомо:
Стоптанний *чобот* и под руку лак,
Луком дарённый, и *лан* чернозёма...
В час вот такой *на рогу* и *закляк*.

В стихотворении «Возвращение» благодаря украинизмам становится понятно, куда, собственно, возвращается лирический герой («По косогору на паучьих лапах – // Чахоточные ветряки...», «Там черногуз птенца уносит в клюве...»).

Интересно, что в период написания стихов о гражданской войне и революции Нарбут практически совсем отказывается от использования украинизмов. Весь строй его поэтики к этому времени сильно изменился, поскольку изменились установки творчества: необходимо было писать «для масс», то есть предельно доступно. Нарбуту это не всегда удавалось, однако от громоздких полупрозаических ритмов и малопонятной лексики он отошел.

Тем неожиданнее обнаружить украинизмы в его поздних стихах в стиле «научной поэзии». Это сложное, новаторское, полупародийное направление в поэзии 1930-х гг. Рене Гиль в «Трактате о слове» (1896) утверждал, что вся современная поэзия, ее темы, образы, лексика и прочее должны определяться со-

временным научным мировоззрением. Нарбут, в числе прочих, следует этим эстетическим установкам: в стихотворениях-трактатах, посвященных микро-скопу, молоку, пуговице, малярии, он вдруг возвращается к употреблению украинизмов, причем употребление это, как когда-то, в первом его сборнике, как правило, не мотивировано стилистическими соображениями. Поэт пишет так, как ему думается и, как правило, совсем не употребляет русских аналогий простым украинским словам: *цыбуля, теля, осокорь, ведмедь, бурак...*

Украинский аспект в творчестве В. Нарбута – это не только украинская лексика. Многие исследователи указывают на связи произведений Нарбута с украинским фольклором, творчеством Н. Гоголя, ирои-комической поэмой в духе «Энеиды» И. Котляревского. Необходимо отметить также некоторые ранее не анализировавшиеся мотивы поэзии Нарбута. Поэт не только прекрасно знал украинскую литературу, но и сознательно ориентировался на ее высокие образцы. Много значил для него не только Н.В. Гоголь, но и Т.Г. Шевченко. Так, стихотворение «Кобзарь» очевидно отсылает нас к творчеству Т.Г. Шевченко, да и обращено, собственно, к нему. Интересно, что в этом стихотворении, написанном в «красноармейский» период творчества поэта, употребляются некоторые украинизмы (например: «...протопанный, оттаял *шлях*»).

Мотив оборотничества ведьмы из стихотворения «Луна, как голова, с которой...», безусловно, фольклорен, но в данном случае, возможно, навеян эпизодом из известной повести Г. Квитки-Основьяненка «Конотопская ведьма». В повести подробно описывается, как ведьма, которую пан сотник велел висеть, под розгами только смеялась, пока сторонний прохожий не увидел, что это наказание. Вот как это описано у Квитки-Основьяненка: «Тогда все увидели, что лежит толстая вербовая колода, перепутанная веревками, и сидят на ней четыре хлопца здоровенных и держат ее как только могут, чтобы не вывернулась, а четыре бьют ту колоду со всей силы крепкими розгами... А рядом с той колодой лежит сама по себе Явдоха Зубиха – и не связана, и хохочет, глядя, как бьются люди вместо нее да над колодой»¹⁰. А вот отрывок из стихотворения Нарбута:

Но если б и очнулся пастырь,
Не сцапал ведьмы б всё равно:
Прикинется метлой вихрастой,
Валяется бревном-бревно...

Стоит отметить также, что для украинского фольклора в большей степени, чем для русского, характерен мотив мужского ведьмачества, что нашло отражение во многих произведениях украинской литературы, в частности, в «Тенях забытых предков» М. Коцюбинского и «Черной раде» П. Кулиша. В таких стихотворениях Нарбута, как «Гаданье», «Колдун», ведовством также пользуется герой-мужчина.

В настоящей работе украинский аспект творчества и биографии В. Нарбута изучен лишь в первом приближении. Тема, несомненно, требует более углубленного изучения.

-
- ¹ Гумилев *Н.С.* Сочинения: в 3 т. Письма о русской поэзии / Подг. текста и примеч. Р.Д. Тименчика. М., 1991. Т. 3.
- ² Новый журнал для всех. 1913, №5. С. 149.
- ³ *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. Воспоминания. М., 2001. С. 40.
- ⁴ *Липкин С.* Квадрига. М., 1997. С. 327.
- ⁵ См.: Вступ. ст. *Н. Бялосинской, Н. Панченко // Нарбут В.И.* Стихотворения. М., 1990. С. 11.
- ⁶ *Чертков Л.* Судьба Владимира Нарбута // *Нарбут В.* Избранные стихи. Paris, 1983. С. 14.
- ⁷ *Лекманов О.* О книге Владимира Нарбута «Аллилуйя» (1912) // НЛО, 2003. №63.
- ⁸ *Нарбут В.И.* Стихи и письма // Арион. 1995. №3. С. 47.
- ⁹ *Лекманов О.* О книге Владимира Нарбута «Аллилуйя» (1912) // НЛО, 2003. №63.
- ¹⁰ *Г. Квітка-Основ'яненко.* Сватання на Гончарівці. Харків, 2005. С. 124 (перевод мой. – Д.М.).